

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XX ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

Анвар Кадир Мухамед

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ (ДУБЕЙТЫ) КУРДСКОГО ПОЭТА МАУЛАВИ

Дубейты - четверостишия любовно-лирического, гедонического или философско-дидактического содержания - мало распространенная в курдской письменной поэзии жанровая форма. Дубейты - принадлежность народной песенной поэзии курдов.

Фольклорное четверостишие имеет несколько вариантов формы:

1) рубаи с рифмовкой: а а б а:

Hezar hezar hezare	Derd u dermanim yare
Am sejmam be bê to kird	Tale vek jehrî mare ¹ ;

2) дубейт с парной рифмовкой: а а б б:

Name ewim be xerî dilim	Aydem be şemal bîba bo golim
Naydem be şemal rêç u penaye	Bo xom boy debem daxim le dilaye ²

Истоки курдского литературного четверостишия - рубаи (на лурском диалекте) мы находим в творчестве известного лирика Баба Тахира Хамадани (935-1010). Его творчество оказало несомненное влияние на некоторых известных курдских поэтов, обрадовавшихся к форме четверостишия.

Дубейты и рубаи входили в состав жанровых форм у поэтов, писавших на северном диалекте курманджи. Например, в поэтическом диване Муллы Джаири (1407-1481) имеется 17 рубаи. Эту поэтическую форму использовали в своем творчестве поэты бабанской школы: Нали (1800-1856?), Махви (1832-1906). В диване Нали содержится 2 дубейта, в диване Махви имеется 45 рубаи и 3 дубейта.

Для поэзии на горанском диалекте четверостишие - форма крайне редкая. В диване Сайди Аврами (1734-1848) только три стихотворения, написанных в форме дубейта; нет дубейтов в стихах Бесарани (1641-1702). Но в диване Маулави³ мы находим 39 дубейтов. Их анализ по ритмическому рисунку показывает, что все они написаны десятисложным силлабическим стихом, с цезурой посредине, с разнообразной рифмовкой. Его дубейты в основном имеют парную рифмовку а а б б.

В четверостишиях Маулави мы находим послания (обращения к собеседнику) - 12 дубейтов (30,7%), стихи о любви - 10 дубейтов (25,25%), раздумья о себе - 12 дубейтов (30,7%), пейзажные зарисовки - 3 дубейта (7%), философско-мистические стихи - 2 дубейта (5%).

В дубейтах-посланиях Маулави находит очень сильные и неожиданные образы, несколько парадоксальные на фоне многовековой традиции:

О уединенное свидание! В этот миг я гляжу на тебя без страха
[предстоящей разлуки]

О моя душа! Я не вижу никого, кроме тебя!

Какого же уединения жаждет мое сердце для встречи с тобой?

Даже если оно будет в моих глазах, то зрачок моего глаза будет
мне мешать!

(Д., с. 57-58)

Следуя, согласно литературным канонам времени, классическим традиционным образцам, Маулави проявляет себя вместе с тем как поэт-новатор. Маулави вносит новые, присущие только ему, свежие формы и приемы, не имеющие precedентов в классической курдской поэзии. Например, используя мотив "тоски и разлуки", поэт говорит о том, что "ветер разлуки" разбросал листья тела Ма'дума (то есть самого автора) и разметал их по дорогам и тропам, по которым ходят милые его сердцу люди. Маулави переписывался со своими друзьями в стихотворной форме записками-дубейтами.

Иногда Маулави, как бы принимая поэтический вызов со стороны своих друзей-поэтов, отвечает на их стихи своими дубейтами. Так, например, близкий друг Маулави, поэт Ахмед Приси (XIX в.), прислал Маулави свои стихи, написанные в форме дубейта: он с тревогой сообщал о болезни своей сестры Лейлы:

"Лейла" - это лекарство для безумно влюбленных,

Вроде Мадкинуна или Фархада,

Но как же быть, если жестокая судьба сделала

Из лечения страдание, а из лекарства болезнь?

(Д., с. 368)

В ответ на эти строки Маулави немедленно отвечает Ахмеду Приси дубейтом:

[На самом деле это] жар любви скитающегося Кайса

Так глубоко тронул сердце Лейлы.

А может, весть о ее болезни-всего лишь слухи для обмана

[злого] соперника,

Так как Лейла и болезнь - несовместимы.

(Д., с. 368)

Свои послания-дубейты поэт направляет и "дорогому человеку, занимающему высокое положение", (Д. с. 57-58), и своему наставнику шейху Баха-ад-Дину, (Д. с. 84, 479), и шейху Зия ад-Дину (Д. с. 450), и близким друзьям, Ахмеду Приси и др. В его дубейтах со-

держится "критика в адрес неискренного друга" (Д. с. II2, I58), и обращение к богу (Д. с. 530-531).

Тема любви, ведущая для жанра газели, у Маулави разработана и в форме дубейтов. Они посвящены интимным чувствам поэта, его любовным переживаниям. В его лирике радость свидания с возлюбленной или страдания от разлуки с ней чаще трактуются как элементы мистической любви суфиев к Теосу. Однако, читатель может воспринимать лирические стихи поэта и как традиционную любовную лирику, наслаждаясь высоким художественным совершенством стиха и гуманистическим содержанием.

Некоторую парадоксальность мы наблюдаем и здесь. Так, в одном дубейте Маулави очень умело и искусно использует популярный на Востоке сюжет - легенду о любви Фархада и Ширин. Однако Маулави по-своему преломляет эту легенду. Он позволяет себе поминать Фархада - идеал истинного влюбленного, символ верности в любви:

Пусть никто не говорит, что Фархад был умным,
Когда высекал образ Ширин на [каменных] скалах,
Да рассыпятся его руки во время угасанья, -
Кто же водит алмазом по своим глазам?

(Д. с. 531)

В своих любовных стихах Маулави часто отождествляет себя с лирическим героем, который также, как и его возлюбленная, многолик. Упомянем здесь одно из олицетворений: страдающий поэт сравнивает себя со скалами; дожди печали, падающие на скалы, рождают эхо, которое звучит для поэта нежным голосом возлюбленной (Д. с. 532).

Особенно интересны стихи, развивающие психологическую лирическую тему. Маулави рассуждает о человеческой личности, о ее месте в обществе. Поэт размышляет о своей судьбе, жизненных проблемах и трудностях, описывает различные проявления своего душевного состояния. В этих дубейтах, как и во всей поэзии Маулави, мы ясно ощущаем тревожное состояние духа поэта. Поэт говорит:

[Поистине] красота сада и наслаждение [им]
Доступно человеку, у которого, кроме возлюбленной, нет иных забот,

А я, кроме возлюбленной, дружу и со страданиями,
Я подобен соколу [который] вот-вот упадет с ветки
(имеется ввиду приближение смерти)

(Д. с. II2-II3)

Маулави обвиняет в своих страданиях и мучениях некоего таинственного соперника, который представляет в его стихах символ зла

и раздора между возлюбленными. Он говорит: "Я боюсь своего соперника, даже если судьба превратит его тело в пепел, ибо когда я буду наслаждаться созерцанием красоты моей любимой, ветер задует, подхватит этот пепел и засыплет им мои глаза" (д.с. 136).

В дубейтах, посвященных пейзажу и реалиям окружающего мира, поэт использует самые разные художественные средства, оставаясь в то же время верным канонам образной системы восточной лирической поэзии, в которой наиболее распространенным приемом является метафорическая трактовка состояния героев через реалии окружающего мира. Например, описывая разбитый кувшин, Маулави сравнивает его со своей жизнью, своим духовным миром. И наоборот, вспоминая о своей бурной молодости, поэт сравнивает ее с кувшином, когда тот был еще совсем новым и целым. Прежде чем разбился, этот кувшин был предметом забав красавиц и переходил из одних рук в другие, из одного дома в другой. Маулави говорит:

О Кувшин! Сколько раз руки юных красавиц тебя ласкали,
Ты оказывался в самом сердце - на почетном месте -
в любом доме

Теперь же, как и я, ты разбит и сломан,
Ты брошен на землю, тебя топчут ногами ...

(Д. с. 253)

Для создания яркой и образной картины, отражающей процесс возникновения, движения и угасания человеческой жизни Маулави использует развернутую символику, прием развивающегося мотива: (целый и новый кувшин - молодость поэта, забавы юных красавиц с кувшином - зрелость поэта, ветхий и разбитый кувшин - старость поэта); в этом стихотворении сложная и искусная рифмовка с употреблением двойной рифмы "халан-малан", нарочито затрудненная для понимания метафора.

Огромный познавательный интерес представляют для нас философские четверостишия Маулави - краткие суждения о жизни, окружающем мире, о состоянии человеческого духа. В некоторых таких дубейтах чувствуется влияние Омара Хайяма на поэзию Маулави, хотя философские взгляды поэтов различны. Хайям предстает перед нами бунтарем и противником религиозно-мусульманского догматизма, Маулави, напротив, является выразителем философии суфизма. Вот так Маулави - очень близко к Хайяму - говорит о загадке человеческого бытия:

Все, кого мы видели прежде, уже покинули этот мир,

Все, кого вы видите сейчас, покинут этот мир,

Но никто не понял и никто не познал,

Почему этот ушел, а тот пришел?

(Д. с. 532-533)

Хайям говорит:

Приход наш и уход загадочны, - их цели

Все мудрецы земли осмыслить не сумели.

Где круга этого начало, где конец,

Откуда мы пришли, куда уйдем отсюда?⁴

Выше мы только попытались приоткрыть дверь в поэзию замечательного курдского художника - Маулави. Нам представляется, что мир его четверостиший заслуживает тщательного и глубокого исследования.

I. عین زره دیرین مستمنا چه سهول . نژا کهلوری کوردی و شه دهک نژا کهلوری کوردی . بغداد ، ۱۹۷۰ ، ص ۶۸ .

Изадин Мустафа Рассул. Исследование курдского фольклора. Багдад, 1970, с. 68.

2. Там же. ملا عبد الكريم مودم بريس . ديوان ماولوي . بغداد ، ۱۹۶۱ .

3. Мулла Абдуль-карим Мударрис. Диван Маулави. Багдад, 1961.

4. Шаислам Шамухамедов. Омар Хайям (рубай). Ташкент, 1978, с. 12.

М.А.Болдырева

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯВАНСКОЙ ЛЕГЕНДЫ О ЦАРЕ ПАРИКСИТЕ В СТИХОТВОРЕНИИ ГУНАВАНА МОХАМАДА "ПАРИКСИТ"

Париксит - персонаж яванской легенды, являющейся фрагментом древнеяванского эпоса "Адипарва".¹ Согласно легенде, Париксит стал царем Хастинапуры.² Как истинный представитель рода Пандавов Париксит очень любил охоту. Случилось так, что на охоте он невольно обидел старого отшельника. Сын отшельника, могущественный Трунги, в гневе за обиду, нанесенную его отцу, проклял Париксита, предсказав ему через семь дней, до захода солнца, гибель от укуса дракона Таксаки. Чтобы избежать смерти, Париксит велел без промедления воздвигнуть высокий столб и на столбе построить дворец.

Дальше легенда гласит: "Была башня, очень высокая, как гора, крепкая... она охранялась брахманами, молитва которых была совершенной, и врачевателями ядов, все усердно оберегали башню, а царь находился внутри нее". Семь дней провел он в этом дворце, а на седьмой день брахман принес плодов джамбу для царя, - дракон же Таксака, превратившийся в червяка, спрятался в плодах.

Когда брахман с плодами появился и прочитал священные молитвы, царь приказал ему уйти. Но в этот момент солнце стало заходить, и